

Научная статья

УДК 82:1
ББК 83.000.4
Г 61

DOI: 10.53598/2410-3489-2022-4-307-52-62

Философский модус литературно-художественного произведения как проблема теоретической поэтики *(Рецензирована)*

Вячеслав Михайлович Головко

Федеральный государственный образовательный университет высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия, vmgolovko@mail.ru

Аннотация:

Рассматривается вопрос о функциональной роли философского модуса в литературном произведении, доказываемая, что данным модусом определяется «глубина текста» и специфика онтологической поэтики как содержательной формы бытования художественного смысла. Дифференцируются понятия «философский модус» и «модус художественности», при этом аргументируется положение, согласно которому наличие философского модуса является одним из условий соответствия литературного произведения критериям художественности. В парадигме философии литературы анализируется эйдос модуса как «явленности», «вещественной данности» художественного познания, обеспечивающего специфику нетеоретического философствования в художественных образах.

Ключевые слова: философия литературы, субстанция, атрибуты, модус, художественная реальность, философский модус, модус художественности, эстетическая целостность, философия в литературе

Для цитирования: Головко В. М. Философский модус литературно-художественного произведения как проблема теоретической поэтики // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2022. Вып. 4 (307). С.52-62. DOI: 10.53598/2410-3489-2022-4-307-52-62

Original Research Paper

Philosophical mode of literary and artistic work as a problem of theoretical poetics

Viacheslav M. Golovko

Department of Russian and Global Literature, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, vmgolovko@mail.ru

Abstract:

The paper discusses the functional role of the philosophical mode in a literary work. The author proves that this mode determines the “depth of the text” and the specificity of ontological poetics as a meaningful form of existence of artistic meaning. The author differentiates the concepts of “philosophical mode” and “artistic mode”, simultaneously arguing the position, according to which the presence of a

philosophical mode is one of the conditions for the compliance of a literary work with the criteria of artistry. In the paradigm of the philosophy of literature, the work analyzes the eidos of modus as “appearance”, “material reality” of artistic knowledge, which provides the specifics of non-theoretical philosophizing in artistic images.

Keywords: philosophy of literature, substance, attributes, mode, artistic reality, philosophical mode, artistry mode, aesthetic integrity, philosophy in literature.

For citation: Golovko V.M. Philosophical mode of literary and artistic work as a problem of theoretical poetics // Bulletin of Adyge State University, Series: Philology and Art Criticism, 2022. No.4 (307). P.52-62. DOI: 10.53598/2410-3489-2022-4-307-52-62

Введение.

К компетенции основных аспектов философии литературы, на которые указывает в своём исследовании Louis Mackey (литература и философия как специфические по содержанию и форме мыслительные практики; философия в литературе; корреляции философского и художественного дискурсов) [1], относится смысловое содержание той исследовательской проблематики, которая фиксируется понятием «философский модус художественного творчества». Проявление философии в литературе чаще всего усматривают в наличии проблем человека и мира, представляющих большой профессиональный интерес не только для литературоведов, но и для философов-теоретиков, которые в такой объективации общезначимых идей видят формы проявления философии в эстетических феноменах.

Отмечая это, важно подчеркнуть, что литературное творчество является средством, способом нетеоретического философствования, при котором во всей полноте раскрывается огромный познавательный потенциал искусства. Но «онтологический статус» художественного произведения – это качественная характеристика только тех феноменов творчества, которые в полной мере отвечают критериям художественности. Для писателей, создающих такие произведения, свойственно ощущение «философской сущности мира» [2]. Специфические способы бытования смыслов в теоретических и нетеоретических формах философствования в последнее время становится предметом сравнительного

изучения как в западной, так и в отечественной гуманитарной науке. При этом сохраняет свою актуальность методологически значимое высказывание Н. С. Автономовой, напомнившей, что «границы между формами познания существуют и что плодотворнее о них не забывать» [3]. Эти вопросы затрагивают ту область научного знания, которая исследуется в проблемном поле философского модуса словесного творчества. В данном случае имеется в виду те особенности теоретических и художественных форм выражения взглядов на мир, которые находятся в компетенции родовой природы философских и эстетических познавательных процессов.

Материалы и методы.

Философский модус в литературном творчестве – это специфическая объективация мировидения писателя в художественных произведениях, это то, что не выступает в виде *непреложного закона* в каждом определённом литературном жанре, но при этом вовсе не является *случайным*. Эстетика словесного творчества учитывает и обобщает в научных категориях прежде всего *атрибуты* художественного творчества, то есть те постоянные, неотъемлемые, сущностные свойства и *модусы*, без которых художественная литература не может ни существовать, ни мыслиться: эстетический объект и его структура, роды, жанры, стили, методы, литературные направления, тематика, проблемное содержание произведения, образы, композиция, поэтические средства, язык и т. д. Но в такой же мере учитываются и обобщаются *модусы*, то

есть свойства, которыми наделяются литературные явления лишь в определённых состояниях творческой работы и в особых формах художественного мышления автора.

Эти модусы поддерживаются культурными контекстами, внутренними связями с теми жизненными, интеллектуальными и духовно-творческими реалиями, в окружении которых находится автор и создаваемый им художественный мир. В общественном романе или социальной повести классического реализма, такого типа, например, как «Шаг за шагом» И. В. Фёдорова-Омулевского или «Степан Рулёв» Н. Ф. Бажина, философский модус может вообще не присутствовать, зато им определяются процессы смыслопорождения в такого рода произведениях, как «Новь» И. С. Тургенева или «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, преобразуя при этом жанровую природу социального романа и придавая ему качества романа социально-философского. То же самое можно сказать о таких социально-философских повестях, как «Записки одного молодого человека», «Доктор Крупов» Герцена, «Пунин и Бабурин» Тургенева, «Детские годы. (Из воспоминаний Меркула Праотцева)» Лескова и др.

В литературных жанрах философский модус не выступает в виде непреложного закона, но при этом не является случайным. «Модус не может быть представлен без субстанции» (Б. Спиноза), модус способен «воздействовать на субстанцию или вносить в неё различные оттенки» (Р. Декарт). Философский модус предстаёт как свойство субстанции (эстетической реальности), он, как то, «что существует в другом и представляется через это другое» (Б. Спиноза), в одних условиях может проявляться, в других нет. В теоретической поэтике «философия в литературе» рассматривается как реализация модусов, «находящихся в ином», то есть в художественном образе, и «постигаемых через иное»,

то есть через изучение процессов смыслообразования в произведении словесного творчества. Философские модусы в художественном мышлении объективируются в модусах бытия, существования, времени, очевидности, явленности, в модусах сознания и познания и т. д., они находятся в системе внутренних связей литературных произведений. Модус – это не «часть», не «элемент» произведения: он не расчленяет, не разрушает целостность поэтической сущности, напротив, является органическим компонентом идейно-эстетического единства произведения. Писатель, работая над произведением, не теоретизирует и не иллюстрирует философские идеи, он в процессе творческой мыследеятельности создаёт оригинальную художественно-философскую картину мира.

Результаты исследования.

Философский модус в феноменах словесного творчества можно рассматривать как способ бытия содержательности художественных идей, как специфическую форму мышления писателя. И. С. Тургенев, имея в виду особенность своей творческой манеры, писал в «Предисловии к романам»: «...Я стремился, насколько хватало сил и умения, добросовестно и беспристрастно изобразить и воплотить в надлежащие типы и то, что Шекспир называет: “the body and pressure of time”, и ту быстро изменяющуюся физиономию русских людей культурного слоя, который преимущественно служил предметом моих наблюдений. Насколько это мне удалось — не мне судить; но смею думать, что читатели не усомнятся теперь в искренности и однородности моих стремлений» [4, т.12: 303]. Но при этом в каждом из шести романов писателя-классика не просто «верно и живо воспроизводятся впечатления, вынесенные им из собственной и чужой жизни» [4, т. 12: 304], в них воплощена философская картина мира великого художника, а структура каждого романа определена функциональной

ролью философского модуса. Вспомним слова Тургенева: «Выработать философское убеждение — значит создать величайшее творение искусства, и философы — величайшие мастера и художники. Собственно, здесь искусство перестаёт быть искусством — оно растворяется в философии» [4, т. 1: 532]. Такое «растворение» ярко проявляется в романах Тургенева: в «Рудине» — это идея созерцания и действия как двух способов существования человека в мире, в «Дворянском гнезде» — рефлексия свободы нравственного выбора и ответственности человека за него, в «Накануне» — дефиниции этики самоотвержения как формы самосозидания личности, в «Отцах и детях» — утверждение плодотворности отрицания в философии поступка, соотношение & противоположение личного и универсального начал в человеческой экзистенции; в «Дыме» — историософская парадигма «Россия — Европа», в «Нови» — философия социального эволюционизма.

Философский модус — это важный инструмент создания «глубины текста», что является верным признаком проявления незаурядного таланта в литературном творчестве. Давно замечено, что эстетическое качество художественного произведения во многом обусловлено интеллектуальным потенциалом и уровнем образованности художника слова. Формальные показатели в этом отношении не могут быть надёжными ориентирами в анализе труда писателя. А. С. Пушкин и И. С. Тургенев, например, закончили престижные учебные заведения, а Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков, А. М. Горький, М. И. Цветаева достигли высокого уровня образованности благодаря работе над собой. И это далеко не исключительные случаи. Характер общественно-литературной деятельности великого просветителя России, народнического идеолога и писателя Я. В. Абрамова, например, во многом определялся

его кругом чтения: эту деятельность стимулировали знания, полученные не в духовной семинарии, а добытые напряжённым самостоятельным умственным трудом.

Далёкие и близкие культурно-философские контексты активизируют функциональную роль модусов и в научном, и в литературном творчестве. Эта специфическая функциональность всегда оставалась в сфере исканий философской мысли. Ещё Р. Декарт в «Первоначалах философии» («Principia Philosophiae») подчеркивал, что *sub-stantia* постигается в неотделимых от неё атрибутах [5: 335]. «Под субстанцией, — писал Декарт, — мы можем разуместь лишь ту вещь, коя существует, совершенно не нуждаясь для своего бытия в другой вещи» [5: 334]. Сущность определённой субстанции может быть осмыслена с помощью как атрибутов, так и таких качеств, которые он называл модусами, способными «воздействовать на субстанцию или вносить в неё различные оттенки» [5: 336]. Так, «модусом мышления» Декарт называл «число движения», которым он отделял время «от длительности, взятой в общем смысле этого слова» [5: 37]. Показательно, что, например, Спиноза под атрибутами понимал «сущность или существование любого существа», а модус трактовал как «особое существование», имеющее место в атрибуте, как «состояние субстанции» (*Substantiae affectio*), то есть как то, «что существует в другом и представляется через это другое» [6: 274, 169, 361]. «...Модус не может быть представлен без субстанции», — подчёркивал Спиноза. — Различие в мысли и есть то, которое возникает между субстанцией и её атрибутом...», то есть то, что и создается «модусом», «суть мысленным бытием» [6: 292, 296].

«Субстанцией» в системе идейно-эстетического анализа является художественная реальность: произведение, циклы произведений, творческий процесс, методы,

литературные течения, направления и т. д., а функции модуса в данном случае выполняет философская проблематика. «Субстанция» «существует сама в себе и представляется сама через себя», «субстанция» — это то, «представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которого оно должно было бы образоваться» [6: 361], существование чего, в отличие от модуса, не зависит от других вещей. Без неё, действительно, модус не может быть «представлен», и такая трактовка закрепились в качестве научной традиции (Р. Декарт, Д. Локк, Г. В. Лейбниц, Г. В. Ф. Гегель, Ф. Brentano, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер и др.). В современной философии модус, как правило, трактуется вслед за Спинозой как свойство той или иной субстанции, которое в одних условиях может проявляться, а в других нет, как то, что может присутствовать в чём-то ином и раскрываться через иное. В интерпретации одного из современных авторов модус — это «форма существования или явленности объекта, тождественно-различная другим формам его данности», это «онтологический принцип инобытия», «бытие определенным образом, допускающее и другие способы бытия той же самой сущности или данности» [7: 125, 126].

Философский модус литературного произведения необходимо отличать от модуса художественности, хотя, по большому счёту, философский смысл эстетической целостности может «проявляться» только при «условии» той «модальности» художественного «сознания», которая является гарантом творения «поэзии как искусства». «Модальность эстетического сознания» [8: 37], смысл «модусов эстетического», фиксирующих «восходящий ряд ступеней» и приобщающих к «человечески значительному» [9: 158–159, 153], рассматривались в научной литературе ещё начала XX столетия в качестве критерия художественности, который и следует иметь в виду

при анализе функциональной роли философского модуса в конкретных литературных произведениях.

В парадигме философии литературы воззренческие идеи анализируются как модусы, «находящиеся в ином», то есть в художественном образе, и «постигаемые через иное», то есть через изучение процессов смыслообразования в произведении словесного творчества, через анализ содержательности онтологической поэтики. В литературоведческом исследовании учитывается и такое философское толкование модуса, как *modus vivendi* — понимающее бытие, способ существования, условия, которые обеспечивают такое существование (в отличие от *modus procedendi*, *modus rectus*, *modus obliquus* — характера мер, предпринимаемых для достижения цели, меры чистоты и т. д.). Философские модусы в художественном мышлении объективируются в модусах бытия, существования, времени, очевидности, явленности, в модусах сознания и познания и т. д., они находятся в системе внутренних связей литературных произведений, а в научном познании учитываются при обосновании эпистемологии в процессе теоретико-литературной и историко-литературной рефлексии. Модус — это не «часть», не «элемент» произведения или понятийного смыслового целого: он не расчленяет, не разрушает целостность эстетической или теоретико-литературной сущности, напротив, является органическим компонентом идейно-художественного единства произведения. В этом смысле этимологические составляющие понятия «модус» (от лат. *modus* — «мера, образ, способ, вид») в функционировании философского модуса художественного творчества проявляются во всей семантической полноте, указывая, в том числе, и на «способ существования» литературного произведения, либо на условия, обеспечивающие возможность существования тех

или иных форм эстетических феноменов (в логике данное понятие используется при определении разновидностей силлогизмов, обусловленных формой и взаимозависимостью посылок и силлогистических умозаключений).

А. С. Колесников справедливо говорит о неубедительности такого «метода» изучения «философии в литературе», когда «искусство вводится в историко-философский процесс в роли распространителя философских идей, которые и должен выявить историк философии в тексте произведения» [2]. Писатель не теоретизирует и не иллюстрирует философские идеи, он в процессе художественной мыслительности создаёт оригинальную эстетико-философскую картину мира. Рассматривая философский модус художественной литературы, мы имеем в виду взаимодействие, взаимопроницаемость образной и философской рефлексии. Высокоталантливый писатель – всегда настоящий, оригинальный мыслитель, но мыслитель не всегда может говорить языком Мишеля Монтеня, Сёрена Кьеркегора, Артура Шопенгауэра, Бертрана Рассела, Жака Деррида. В этом смысле философский модус, в принципе отчуждаемое свойство творческого процесса, становится не отчуждаемым, когда речь идёт о высоких критериях художественности в литературных созданиях, отмеченных чертами классической образцовости (Шекспир, Сервантес, Данте, Гёте, Пушкин, Баратынский, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Тютчев, Гончаров, Достоевский, Толстой, Лесков, Фет, Кафка, Пруст, Т. Манн, Цветаева, Хлебников, Платонов, Леонов, Заболоцкий, Межелайтис, Айтматов, Астафьев, Бондарев и др.).

Русские писатели-классики XIX – XX вв., остро ощущая метафизическую сущность бытия, сближали литературу и философию как формы художественного познания, безусловно, различающиеся по

содержанию и способам художественной объективации смыслов.

Уместно вспомнить часто цитируемые в работах по эстетике слова из опубликованной в 1917 году Ф. Розенцвейгом «Первой программы системы немецкого идеализма» («Das erste Systemprogramm des deutschen Idealismus», 1796 г.), приписываемой Шеллингу, Гёльдерлину, Ф. Шлегелю, но чаще всего Гегелю: «Я убежден, — писал неизвестный автор этого документа, — что высший акт разума, охватывающий все идеи, есть акт эстетический и что истина и благо соединяются родственными узами лишь в красоте. Философ подобно поэту должен обладать эстетическим даром. Люди, лишённые эстетического чувства, а таковы наши философы, — буквоеды. Философия духа — это эстетическая философия. Ни в одной области нельзя быть духовно развитым, даже об истории нельзя рассуждать серьёзно, не обладая эстетическим чувством» [10: 212. Курсив первоисточника. – В. Г.]. Такие декларации были закономерной реакцией на кризис классического рационализма. Отмечаемая в философии конца XIX – начала XXI века «эстетизация разума» (Т. Адорно, Г. Г. Гадамер, М. Хайдеггер, Ж. П. Сартр, А. Камю, Р. Рорти, Ж. Деррида и др.), объяснимые стремления философов-теоретиков к обоснованию гармонизации, а не противопоставления литературы и философии в системе гуманитарного познания, в реализации социальных функций науки и искусства, дают представление об интеграции смыслов философских и литературных метанарративов. Показательна позиция Р. Рорти, который призывал отказаться от монополизации традиционной философией эпистемологических стратегий в пользу «создания простора для разворачивания творческой философской мысли, которая не будет обременена заранее навязанной ей проблематикой» и «узурпацией права репрезентации истины» [11: 108].

Современность словно возвращает нас к прогнозам эпохи классического европейского идеализма: «...Поэзия благодаря этому обретает высшее достоинство, она в конце концов становится тем, чем была вначале, — наставницей человечества; не станет более философии, не будет истории, одна поэзия переживёт все науки и искусства» [10: 212].

Взаимообогащение философского и художественного дискурсов раскрывается во всём многообразии и всей содержательности при комплексном подходе к изучению литературного творчества [12: 167].

Анализ смыслопорождающей функции философского модуса в художественном творчестве показывает, что нетеоретическое философствование обладает своей содержательно-формальной спецификой и не может рассматриваться как некий аналог теоретического знания или, тем более, как образная иллюстрация к каким-либо системам крупных мыслителей. Философское начало, существующее в «другом», то есть образных формах, и репрезентируемое через «другое», то есть через художественный мир, не является константной величиной словесного творчества, но оно не только преобразует и обогащает художественную проблематику, но и становится важнейшим критерием эстетической значимости создаваемой писателем «второй реальности», которая новой онтологией рассматривается как автономное бытие духа. Философский модус в литературном творчестве объективируется по-разному. Философские категории «человек», «личность» являются, например, обуславливающими факторами жанрогенеза. Понимающая специфика литературного жанра во всей её содержательности не может быть отрефлексирована без обращения к категориям философской герменевтики, потому что художественная гносеология строится на общих универсальных, «высших принципах» познания. Представления о природе

и сущности человека лежат в основе эстетического типа мироотношения («идеи человека»), которым, в конечном счёте, определяются качественные характеристики эстетических системностей (творческий метод, «большой стиль», литературное направление, историко-литературная эпоха, художественно-познавательный цикл).

Философский модус в художественном произведении присутствует как рецепция и интерпретация определённых философских идей и традиций в виде отсылок, реминисценций, цитат, аллюзий, связывающих художественный образ с философским претекстом, проявляет себя как «фоновое», контекстное явление, как духовная, интеллектуальная атмосфера художественного мира и ситуации творческого созидания этого мира. Укажем для примера на функциональную роль этики стоицизма в «Пунине и Бабурине», экзистенциального мотива самоотвержения в «Накануне» или «Странной истории» И. С. Тургенева, на идейно-художественное значение традиций философского скептицизма в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова, философии истории Гегеля в романе А. И. Герцена «Кто виноват?», философской антропологии и теории познания А. Шопенгауэра в «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева или в лирике А. А. Фета, на определяющее значение в системе художественного обобщения у И. А. Гончарова-романиста идеи «любви» и «неизменных основ» «человеческой жизни», на идеи самопроектирования личности в повести Н. С. Лескова «Детские годы (Из воспоминаний Меркула Протцева)». Суждения Л. Н. Толстого в третьем томе «Войны и мира» об истории как «бессознательной, общей, роевой жизни человечества», о свободе и необходимости в своём генезисе восходят к идее антропологическо-этического, каузального детерминизма, они воскрешают в памяти учение о «непроизвольных»

и «произвольных» действиях человека Р. Декарта, Т. Гоббса и др. детерминистов. Философскую интерпретацию свободы воли важно учитывать, рассматривая произведения Ф. М. Достоевского.

Общефилософские представления об онтологии человеческой жизни, этические учения и нормы «сказываются» на художественном анализе действительности в литературном произведении, на интенциональности выражения нравственно-эстетической позиции писателя, опредмечиваемой в нём. Социально-философские, бытийные, метафизические концепции могут быть предметом художественной рефлексии авторов литературных произведений, а философские источники – объектом диалога, полемики с их создателями и т. д.

Философские проблемы, рассматриваемые авторами литературных сочинений, вводят в контекст трактовок и интерпретаций социальных, этических, мировоззренческих исканий и дискуссий времени их создания и гораздо более отдалённых эпох. Собственно, философско-нравственный пафос литературных произведений и обеспечивает их актуальность во временной перспективе. Писатели, остро ощущающие метафизическую сущность мира, могут предвосхищать тенденции развития определённых направлений теоретической мысли. Так, в трактовке онтологической драмы человека Тургенев-художник предвосхитил европейский экзистенциализм, в освещении диалектики необходимости и свободы он со всей очевидностью наметил идеи аксиологического онтологизма XX века, философские концепции М. Шелера, Н. Гартмана и др.

Философские модусы произведений русских писателей-классиков обеспечивали включённость литературы в общий контекст философствования времени завершения классического и неклассического периодов развития отечественной

и мировой культуры. С этой точки зрения основательно изучено культурно-историческое наследие славянофилов – А. С. Пушкина, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского. Но есть и такие крупнейшие писатели-классики, творчество которых до сих пор не рассматривается в историко-философском плане. К их числу относится, например, И. С. Тургенев, художественно-философское мышление которого отличается отчётливо выраженной оригинальностью и глубиной, что неоднократно отмечалось философской критикой Серебряного века и исследователями-филологами XX – начала XXI века. Ю. М. Лотман, например, имея в виду философичность прозы автора «Отцов и детей», писал о том, что роман Тургенева «резко выделяется» на фоне «общественных романов» его эпохи, что тургеневский роман выполнял важнейшую «демифологизирующую, отрезвляющую роль», поскольку строился, в отличие от произведений всех других писателей, «на столкновении осмысленности и бессмысленности» в «существовании героев» [13: 726, 727]. Как было верно отмечено исследователем, мифология тургеневского романа создавалась в результате того, что два его плана – «современно-бытовой» и «архетипический» («вечное») – в философском смысле «отменялись» третьим планом – «космическим» [13: 728–729] (универсальное, натурфилософское начало). «Универсальное» было связано с трагическим ощущением отчуждённости от человека «вечной и пустой беспредельности» [4, Письма, т. 3: 385; т. 1: 460], «Законов... существования» «Природы-Жизни» [4, Письма, т. 1: 481]. Именно этим проза Тургенева «своим глубинным пластом шла в ином русле, чем ведущие тенденции русского романа XIX века» [13: 728], открывая перспективы развития художественно-философского сознания в искусстве последующих времён, являя собой

эстетический феномен, значимый как с точки зрения социальных функций литературы, так и в плане философского осмысления бытия, «собственной и чужой – всё той же, всеобщей жизни» [4, Сочинения, т. 13: 179]. Показателен такой факт: в современном китайском литературоведении наметился сдвиг в сторону изучения философских идей и соответственно – художественных ценностей творчества И. С. Тургенева [14: 201].

Специфика эстетической функции философского модуса в литературных произведениях раскрывается в особенностях выражения бытийной позиции писателя, творчество которого принципиально отрицает создание какой-либо «системы». Последовательность текста любого произведения – романа, повести, стихотворения, драмы и т. д. объективирует логику формирования художественно-философского смысла, который не вербализуется, а воспринимается как «целое» образа. В свою очередь философское творчество тоже немислимо без «эстетизации разума». Анализ словесного творчества в методологии взаимодействия литературы и философии осуществляется в процессе научной интерпретации произведений, и на этой основе – на уровне эстетики литературных направлений и «больших стилей». Без такого анализа немислимо освоение результатов исследования смысла бытия и человеческой жизни, которое не только различает, но и сближает литературу и философию. Поскольку в литературе моделируется человеческая жизнь, то истины и социально-нравственные идеалы предстают перед читателем не в виде абстрактно-теоретических формул, а в эмоционально-эстетическом их переживании. При этом философская содержательность художественных текстов, создаваемых высокоталантливыми писателями, настолько значительна, что может учитываться и осваиваться теоретическим

знанием. Она становится материалом философской рефлексии, как о том писал Хайдеггер в лекции «О сущности истины», подчёркивая, что «истина», относящаяся к «сфере художественного творчества» в равной мере принадлежит «жизненно-му опыту и поведению» и «научным исследованиям» [15].

Заключение.

Литература и философия – это не различные формы одного и того же содержания, и вряд ли мы сегодня согласимся с Белинским, писавшим в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года», что «философ говорит силлогизмами, поэт – образами и картинами, а говорят оба одно и то же». Скорее, об одном и том же, но по-разному – и в содержательном, и в формальном отношении. Но то, что настоящая литература, отвечающая критериям художественности, как и философия, обращена к познанию бытия, жизни, мира, природы, человека, что в её концептосфере находятся основополагающие онтологические понятия, – это признавалось и мыслителями разных эпох (Фома Аквинский, Ф. Ницше, П. Рикёр, Ж. Деррида и др.), и творцами художественных ценностей. Именно это актуализирует роль философских модусов в творческом процессе писателя, который «говорит образами и картинами». Но переводить содержание художественных образов на понятийный язык философии без утраты всей «многозначности» их смысла (А. Шопенгауэр) невозможно: это нанесёт непоправимый урон художественной семантике литературного произведения в процессе его рецепции и интерпретации. Другое дело, что художественная литература и философия активно взаимодействуют. Для филологической науки всегда сохраняет свою актуальность исследование познавательных ресурсов художественно-образного мышления, эстетической специфики и содержательности словесно-творческого постижения «человека в мире».

Примечания:

1. Mackey Louis. An Ancient Quarrel Continued: The Troubled Marriage of Philosophy and Literature. Lanham: University Press of America, 2002. 292 p.

2. Колесников А.С. Философия и литература: современный дискурс // История философии, культура и мировоззрение. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. Вып. 3. С. 8-36. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/kolesnikov/filosofiya-i-literatura-sovremennyu-diskurs> (дата обращения: 03.11.2022).

3. Философия и литература: проблемы взаимных отношений: материалы круглого стола // Вопросы философии. 2009. Октябрь. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=67&Itemid=99999999 (дата обращения: 24.07.2021).

4. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Москва: Изд-во АН СССР, 1961-1968. Ссылки даются по данному изданию с указанием в тексте статьи серии (Сочинения, Письма), тома и страниц.

5. Декарт Р. Сочинения: в 2 т.: пер. с лат. и фр. Т. 1. Москва: Мысль, 1989. 654 с.

6. Спиноза Бенедикт. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. Москва: Гос. изд-во полит. лит., 1957. 632 с.

7. Мёдова А.А. Модус и феномен // Трансцендентальный поворот в современной философии – 4: трансцендентальная метафизика, эпистемология и философия науки, теология и философия сознания. Москва: Изд-во ГАУГН-Пресс, 2019. С. 125-128.

8. Жинкин Н.И. Проблема эстетических форм // Художественная форма / под ред. А.Г. Циреса. Москва: Изд-во ГАХН, 1927. С. 7-50.

9. Христиансен Бродер. Философия искусства / пер. с нем. Г.П. Федотова; под ред. Е.В. Аничкова. Санкт-Петербург: Шиповник, 1911. 292 с.

10. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 1. Москва: Мысль, 1970. 668 с.

11. Рыбас А.Е. Ричард Рорти как русский философ // Вече: альманах русской философии и культуры. 2017. № 29. С. 99-176.

12. Панеш У.М., Соколова Г.В. Об исследовании отечественной литературы 20-80-х гг. как художественно-эстетического единства // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2021. Вып. 1 (272). С. 163-171.

13. Лотман Ю.М. О русской литературе: статьи и исследования (1858-1993): История русской прозы. Теория литературы. Санкт-Петербург: Искусство, 1997. 845 с.

14. Ван Лие. И.С. Тургенев в Китае (1903-2018) // Миры литературного перевода: сб. докладов участников V Междунар. конгресса переводчиков художественной литературы (Москва, 6-9 сентября 2018 г.): в 2 т. Т. 1: Литературный перевод: от толкования к перевоплощению. Москва: АНО «Институт перевода», 2020. С. 189-202.

15. Хайдеггер М. О сущности истины / пер. З.Н. Зайцевой. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000293/> (дата обращения: 23.07.2022).

References

1. Mackey Louis. An Ancient Quarrel Continued: The Troubled Marriage of Philosophy and Literature. Lanham: University Press of America, 2002. 292 pp.

2. Kolesnikov A.S. Philosophy and Literature: Modern Discourse // History of Philosophy, Culture and Worldview. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 2000. Iss. 3. P. 8-36. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/kolesnikov/filosofiya-i-literatura-sovremennyu-diskurs> (date of access: 03.11.2022).

3. Philosophy and Literature: Problems of mutual relations: materials of the round table // Problems of Philosophy. 2009. October. URL: <http://vphil.ru/index>.

php?option=com_content&task=view&id=67&Itemid=99999999 (date of access: 24.07.2021).

4. Turgenev I.S. Complete collection of works and letters: in 28 volumes. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961-1968. References are given to this edition with an indication in the text of the article of the series (Works, Letters), volume and pages.

5. Descartes R. Works: in 2 volumes: transl. from Latin and French .Vol. 1. Moscow: Mysl, 1989. 654 pp.

6. Spinoza Benedict. Selected works: in 2 volumes. Vol. 1. Moscow: State Publishing house of political literature, 1957. 632 pp.

7. Myodova A.A. Modus and phenomenon // Transcendental turn in modern philosophy – 4: Transcendental Metaphysics, Epistemology and Philosophy of Science, Theology and Philosophy of Consciousness. Moscow: Publishing house of GAUGN-Press, 2019. P. 125-128.

8. Zhinkin N.I. The problem of aesthetic forms // Art form / ed. by A.G. Tsires. Moscow: Publishing House of GAKhN, 1927. P. 7-50.

9. Christiansen Broder. Philosophy of art / transl. from German by G.P. Fedotov; ed. by E.V. Anichkov. St. Petersburg: Shipovnik, 1911. 292 pp.

10. Hegel G.W.F. Works of different years: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Mysl, 1970. 668 pp.

11. Rybas A.E. Richard Rorty as a Russian philosopher // Veche: Almanac of Russian Philosophy and Culture. 2017. No. 29. P. 99-176.

12. Panesh U.M., Sokolova G.V. On the study of domestic literature of the 20-80s. as an artistic and aesthetic unity // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. Maikop, 2021. Iss. 1 (272). P. 163-171.

13. Lotman Yu.M. On Russian Literature: articles and studies (1858-1993): History of Russian Prose. Theory of Literature. St. Petersburg: Iskusstvo, 1997. 845 pp.

14. Van Lie. I.S. Turgenev in China (1903-2018) // Worlds of Literary Translation: Collection of reports of participants of the V Intern. Congress of Translators of Fiction (Moscow, September 6-9, 2018): in 2 vols. Vol. 1: Literary translation: from interpretation to transformation. Moscow: ANO Institute of Translation, 2020. P. 189-202.

15. Heidegger M. On the essence of truth / transl. by Z.N. Zaitseva. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000293/> (date of access: 23.07.2022).

Статья поступила в редакцию 09.10.2022; одобрена после рецензирования 12.11.2022; принята к публикации 22.12.2022.

The paper was submitted 09.10.2022; approved after reviewing 12.11.2022; accepted for publication 22.12.2022.

© В. М. Головки, 2022